

Люмпенизация населения как угроза национальной безопасности России

В моем выступлении речь пойдет не просто о люмпенизации российского народа, стремительно растущей его нищете и безысходности, а о появлении многомиллионных масс люмпенов ("людей в лохмотьях") как угрозе национальной безопасности России. Люмпенизация, разумеется, осложняет проведение экономических реформ и в целом политическую ситуацию в стране, в частности, вызывает рост сепаратистских настроений в регионах. Но главное, она ставит под вопрос само бытие, само существование Российского государства — этого странного на сегодняшний день образования, не имеющего государственных границ со своими соседями, за исключением стран Балтии.

Вопреки всем демонстрациям мощи силовых структур, это искусственное новообразование, с моей точки зрения, скорее всего, растворится в неударжимом потоке истории и превратится в маленькие, якобы независимые удельные республики, зорко охраняющие свои "суверенные" границы. Люмпенизация населения страны с неизбежностью ведет к мощному социальному взрыву, который и разнесет это вконец дезорганизованное общество на куски. Кто окажется виноватым, если такое случится, — политики, ученые, журналисты, эксперты?"

Чтобы понять, как люмпенизация населения может привести к неоправданной катастрофе, необходимо теоретически осмыслить роль социально обездоленных слоев населения, по крайней мере, в революционных потрясениях, имевших место в России в XX в. В 1917 и 1991 гг. в стране произошли две социальные революции, две управленческие катастрофы, вызвавшие полный распад не только властных политических структур,

но и государства в целом. Главной разрушительной силой в обоих случаях явились люмпенские слои, огромная полудеклассированная масса населения. Сегодня мы готовим своими собственными руками еще одну "социальную бомбу" для России. Посмотрим теперь, как уже дважды изготавливались и взрывались такие "бомбы".

"Бомба № 1". Форсированная капитализация России потребовала радикального и немедленного решения аграрного вопроса. Только оно могло обеспечить реальный переход традиционного земледельческого общества к современному индустриальному. Неэффективные способы решения вопроса привели к тому, что с последней трети XIX в. в России устойчивой и преобладающей тенденцией становится пауперизация крестьянского населения.

Более того, крестьяне, выталкиваемые из деревни, в большинстве своем не становились рабочими на фабриках и заводах. Они превращались в вечно неустроенных полунищих, живущих в каком-то неопределенном социальном пространстве между городом и деревней. Миллионы босяков бродяжничали по стране. Не будем забывать, что это были люди, фактически поставленные вне общества. На них практически не распространялись основные, базовые нормы социальной жизни, а тем более социальные гарантии и права. Обратная сторона этого процесса — стремительный рост хулиганства, воровства, преступности.

Разложение самодержавного государства шло не только снизу, но и сверху. Безволие и ограниченность царя, распутинщина, коррупция, бездарность чиновничьего аппарата, факты прямой измены в годы первой мировой войны — таков далеко не полный перечень тех причин, которые неустойчиво толкали Россию к катастрофе.

Россия в дореволюционные годы вовсе не шла по пути демократизации. Американский советолог Р.Пайпс, в общем, прав, говоря в своей книге "Россия при старом режиме" о том, что самодержавная власть, создавая индустриальную основу капитализма, стремилась превратить страну в полицейское государство. А как иначе можно было создавать эту основу, коли в самом низу социальной пирамиды находилось столь много голи перекатной?

В духовной жизни был налицо кризис *официальной, огосударственной* религии, бывшей надежным идеологическим орудием самодержавной власти. В *такой* религии не могло быть места ни для какой духовности. Почему-то об этом сегодня молчат все — от больших деятелей культуры до независимых журналистов.

Недолгий Серебряный век в русской культуре — явление весьма неоднозначное. В нем важно различать не только гениальные образцы творчества, не только предчувствие надвигающейся на Россию катастрофы, но и отступление, и даже отказ от высоких гуманистических идеалов русской классической культуры XIX в. Отказ заключался в том, что красота ставилась выше морали, что эстетизировалось безобразное, низменное, аморальное и даже преступное. Недаром как у прогрессивной (левой) интеллигенции, так и у богемы большой симпатией и поддержкой пользовалось босячество.

Челкаш М.Горького — вот, пожалуй, самый характерный символ всей российской жизни в XX в. А символ этот очень прост по содержанию — это человек вне закона, преступник, утверждающий в обществе

свое понимание социальной справедливости. Похоже, что подобная ситуация еще раз начинает складываться в стране, теперь уже в 90-е годы. Но завтра выбор может оказаться совсем другим — или преступник будет сидеть в тюрьме, или не будет ни преступников, ни самого российского общества. Поэтому В.Волошину, одному из ярких представителей Серебряного века, принадлежат страшные поэтические строки, написанные во времена первой русской революции: "Убийству я придам манящую красоту // И в душу мстителя вольется страстный бред // Меч Справедливости — провидящий и мстящий // Отдам во власть толпе, и он в руках слепца // Сверкнет стремительный, как молния разящий // Им сын зарежет мать. Им дочь убьет отца".

Появление огромной, "сверхкритической" массы людей, поставленных вне общества и готовых при известных условиях на все, чтобы добыть средства к существованию, заложил под фундамент общества гигантскую бомбу замедленного действия. Одним словом, процесс разложения старых порядков, на мой взгляд, доминировал тогда над процессами формирования в реальной жизни нового буржуазного строя. Эту ситуацию можно назвать смертельно опасным соревнованием на скорость — кто успеет, а кто сломает шею.

Отказ царя от короны в момент тяжелейшей ситуации в стране был не просто актом малодушия или признанием своего политического банкротства. Этот отказ означал отречение от собственного народа, что и стало детонатором огромного социального взрыва.

Революционный экстремизм, с этой точки зрения, оказывается всего лишь неизбежным ответом со стороны миллионов социально обездоленных и брошенных на произвол судьбы людей. Если человек поставлен вне общества, то единственным для него средством вернуть себе статус выступает разрушение старого общества.

Итог социального взрыва, потрясшего страну в 1917 г., оказался вполне закономерным: полное разрушение всей структуры государственного управления. Безвластие, распад социальной ткани общества, хаос, реальная угроза массового голода — такой оказалась российская действительность накануне октябрьского переворота. В конечном итоге произошло как бы выворачивание всего социального организма наизнанку. Прежняя система обернулась в нечто другое, буквально противоположное. Все, что имело отрицательную ценность, обрело в глазах рождающегося нового общества положительные качества. И наоборот.

Экспроприация частной собственности выливается в свете логики исторического процесса закономерным и неизбежным финалом. Ведь люди, поставленные вне общества и доведенные до отчаяния, рано или поздно, разнесут это общество до основания. Можно в чем угодно упрекать большевиков, захвативших власть в октябре 1917 г. Но какая другая сила смогла предложить тогда более или менее понятный выход (иллюзорный или реальный — иной вопрос) для миллионов народных масс из состояния национальной катастрофы, угрожавшей самому бытию России? Выход из ситуации, когда в равной мере оказались дискредитированными и идея капитализма, и идея императорской власти.

"Бомба № 2". Накануне перестройки советское общество представляло собой картину, во многом аналогичную дореволюционному российскому обществу.

Снаружи оно было обшито, казалось бы, прочным и неразрушимым социалистическим каркасом. Несущей его основой выступала идеология, утверждавшая самые гуманные идеалы и заманчивые перспективы. Партийно-государственным вождям казалось, что они идут в ногу со временем, что построенный в стране социализм становится все более развитым, что происходит все более полное соединение достижений научно-технической революции с социализмом во имя человека. Идеология говорила об этих идеях, как о свершившихся фактах. Но на самом деле это была во многом иллюзия, как было иллюзией и представление об ускоренном строительстве капитализма в дореволюционной России.

Если же посмотреть на советское общество изнутри, то оно оказалось к тому времени полуразложенным. На верхних этажах социальной лестницы находилась партгосноменклатура с ее бесконтрольностью и безответственностью, с неумным стремлением к роскоши и привилегиям. Возникает и складывается теневая экономика, достигшая к концу застойного периода огромных размеров.

На нижних этажах наблюдается падение жизненной активности широких масс населения, повальное пьянство, воровство, моральный нигилизм. Хулиганство и диссидентство, как это и положено в неправовом государстве, идут рядом друг с другом. Порою трудно сказать, с точки зрения официальной законности, где кончается одно и начинается другое. А посередине находится честный, полуничий-полубедный, замороженный жизнью простой советский человек, у которого нет никаких возможностей, да и желания, бороться с разложением как верхов, так и низов. Исторический парадокс, однако, состоит в том, что именно его руками был уничтожен советский строй.

Первые шаги М.С.Горбачева и его команды по пути реформирования административно-командной системы были сделаны в правильном направлении. Необходимо было путем смелых экономических реформ добиться подлинного ускорения научно-технического прогресса. Однако вскоре траектория реформаторского пути сделала крутой поворот в сторону политики. С отменой цензуры начался буквально развал всей системы — от госаппарата до ценностных установок советских людей. Как только огромные многомиллионные массы простых "совков" узнали, что компартия есть просто бандитская организация, установившая обманом и силой свой кровавый режим, они отвернулись от этой власти. В один момент вся система лишилась легитимности, т.е. законного характера, которая была полностью основана на идеологии.

Наиболее дальновидная часть партгосноменклатуры вытаскала люмпенов-"совков" из пятиэтажек и повела на улицы, на борьбу с потерявшей всякое доверие властью. Экстремистская радикализация общества шла неизмеримо быстрее его демократизации. И пока идеалисты сражались за демократию, политические свободы и гражданские права, номенклатура стала без лишнего шума присваивать общенародную собственность, у которой почему-то вдруг не оказалось никакого хозяина. Это присвоение государственной собственности выступает таким же незаконным актом, как экспроприация частной собственности, проведенная большевиками после их прихода к власти. Причина одна и та же — разрыв в преемственности сменяющих друг друга политических режимов.

Развал союзной государственной машины в 1991 г. оказался тотальным — сверху донизу, до самой мельчайшей клетки социального организма. Генсек-Президент, как и царь, не имел права добровольно отказываться от высшего партийного и тем более государственного поста. В стране было потеряно управление социальными процессами. Хаос и дезорганизация стали повседневной реальностью. Демократы, добившись разрушения старой административно-командной системы, погубили тем самым и государство, недавно бывшее могучей, хотя уже и больной, державой.

Произошло второе грандиозное перевертывание всего социального организма. Система обернулась в нечто совершенно противоположное. Социалистическая оболочка была отброшена, на авансцену вышло все то, что считалось отрицательным, нездоровым в прежней системе ценностей, и что таилось в недрах общества "государственного социализма", тщательно скрываемое прежней идеологией.

"Бомба № 3". Если раньше определенная часть населения страны по бедности и по привычке не прочь была унести с госпредприятия все, что плохо лежит, то теперь она встала на путь организации рэкета и мафиозных структур. Когда государство разрушено, то правит бал преступность, которая сегодня контролирует огромную часть производства национального продукта. Но она не только все более откровенно подкупает госчиновников, вступает с ними в преступный сговор, а в последнее время открыто рвется к рычагам законодательной и исполнительной власти. Скажем кратко. Нелегитимное присвоение собственности внизу ищет и находит аналогичную нелегитимность наверху, с тем "чтоб не пропасть поодиночке", говоря словами известного поэта. Стоит ли удивляться тому, что "разборки" на всех уровнях стали носить перманентный и все более масштабный характер. Что же касается творческой интеллигенции, то ее просто купили, дав ей желанную свободу слова. И она упивается теперь вседозволенностью, не утруждая себя никакими, в том числе и нравственными, запретами.

Сегодня в отечественной культуре идет опаснейший процесс романтизации и эстетизации культа денег, насилия и, особенно, тюремно-воровской жизни. Музыкальные передачи, особенно в средствах массовой информации, захвачены полублатной стихией. К примеру, в передаче "Что? Где? Когда?", в которой состязаются команды "знатоков", в перерывах нередко звучат песни уголовного мира. Похоже, что "феня" становится в стране универсальным языком общения.

Один только честный идеалист, бывший "совок" оказался в проигрыше. Кругом — нищета и беспросвет, глубокий упадок в экономике, моральное разложение, уголовный террор, постоянное запугивание простого люда со стороны силовых структур, бедственное состояние науки, особенно академической, тотальное отчуждение граждан России от политики и институтов власти, выразившееся в массовом неучастии населения в выборах. Создается такое впечатление, что на Россию налетели неисчислимые полчища варваров. И она проиграла в схватке с ними, неся колоссальный урон и сама впадая в варварство.

Материальная и духовная нищета, в которую впадала многомиллионная часть населения (состоящая из тех самых честных карасей-идеалистов — бывших советских людей), фактическая потеря ею

социальных и правовых гарантий нормального существования ставят эту огромную массу людей в положение отверженных. Опять идет опасная игра на скорость: что будет развиваться быстрее — дальнейшее разложение социальной ткани общества, люмпенизация населения или становление новых общественных отношений, создающих достойные условия для жизни основной массы россиян. Сегодня объективно, независимо и помимо воли и сознания радикальных реформаторов, готовится почва для нового социального бунта нищающих инженеров и студентов, пенсионеров и женщин-матерей, рабочих и крестьян. Неужели история вновь призовет русского мужика, то бишь теперешнего "совка", к топору?! Если все так будет идти, как оно идет сегодня, то в России XX в., скорее всего, взорвется "третья социальная бомба". Остается открытым лишь вопрос о формах и сроках этого взрыва. Но третьего тотального оборачивания социального организма в свою противоположность Россия не переживет. По давней русской примете, оно окажется роковым.